

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-297-307

Научная статья

Архаическая лексика в карачаево-балкарских паремиях

М.Б. Кетенчиев ✉, М.А. Ахматова , А.Т. Додуева ¹

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика,
360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173
✉ ketenchiev@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения функционально-семантических свойств пословиц и поговорок, характеризующихся антропоцентрической направленностью, что коррелирует с современной регулятивно-деятельностной парадигмой изучения объектов языка и речи. Цель исследования заключается в полиаспектном исследовании паремий с облигаторными архаизированными лексемами, отражающими этнокультурные реалии карачаево-балкарского этноса. Для достижения поставленной цели в статье решаются задачи, которые ориентированы на определение реестра паремий с архаизмами и историзмами, выявление и описание их функциональных и семантических особенностей, а также этнокультурной значимости. Материалом исследования послужили паремии, выбранные путем сплошной выборки из имеющихся сборников карачаево-балкарских пословиц и поговорок. Выбор методов лингвистического анализа обусловлен спецификой исследуемого материала. Используется описательный метод, элементы концептуального, когнитивного семантического (таксономия и лингвокультурологическая интерпретация) анализа в контексте проблем этнолингвистики и лингвофольклористики. Согласно своему лексико-семантическому статусу архаизированные слова подразделяются на лексические и семантические архаизмы. С точки зрения частеречного происхождения устаревшие слова большей частью представлены именами существительными, прилагательными и глаголами, среди них наличествуют как регионализмы, так и диалектизмы, относящиеся к различным лексико-тематическим группам. Архаические лексемы в силу своей этнокультурной значимости способствуют отражению закодированных в паремиях важных сегментов карачаево-балкарской языковой картины мира.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, паремия, лексика, систематизация, архаизм, историзм, картина мира

История статьи: поступила в редакцию: 04.02.2022; принята к печати: 04.04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

© Кетенчиев М.Б., Ахматова М.А., Додуева А.Т., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Кетенчиев М.Б., Ахматова М.А., Додуева А.Т. Архаическая лексика в карачаево-балкарских паремиях // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 2. С. 297—307. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-297-307

Research Article

Archaic Vocabulary in Karachay-Balkar Paroemias

М.Б. Ketenchiev , М.А. Akhmatova , А.Т. Dodueva

Kabardino-Balkar state University named after Kh.M. Berbekov,
173, Str. Chernyshevskiy, Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation
 ketenchiev@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the need to study the functional and semantic characteristics of proverbs and sayings characterized by an anthropocentric orientation, which correlates with the modern regulatory-activity paradigm of studying objects of language and speech. The purpose of the study is a multi-aspect study of paremias with obligatory archaic lexemes reflecting the ethno-cultural realities of the Karachay-Balkarian ethnos. To achieve this goal, the article solves the tasks that are focused on determining the register of paremias with archaisms and historicisms, identifying and describing their functional and semantic features, as well as ethno-cultural significance. The material of the study was the paroemias selected by continuous sampling from the available collections of Karachay-Balkarian proverbs and sayings. The choice of methods of linguistic analysis is determined by the specifics of the material under study. In the work, along with the descriptive method, elements of conceptual, cognitive analyses are used in the context of the problems of ethnolinguistics and linguofolcloristics. Of the particular methods of semantic analysis, taxonomy and linguoculturological interpretation are used. The analysis of the available factual material allows us to come to the conclusion that, according to the lexico-semantic status, archaic words are divided into lexical and semantic archaisms. From the point of view of partial origin, obsolete words are mostly represented by nouns, adjectives and verbs, among which there are both regionalisms and dialectisms belonging to various lexical and thematic groups. Archaic lexemes, due to their ethno-cultural significance, contribute to the reflection of important segments of the Karachay-Balkar linguistic picture of the world encoded in the paroemias.of the Karachay-Balkar linguistic picture of the world encoded in the paroemias.

Key words: karachay-balkar language, paremia, vocabulary, systematization, archaism, historicism, worldview

Article history: Received: 04.02.2022; Accepted: 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Ketenchiev, M.B., Akhmatova M.A., and Dodueva A.T. 2022. “Archaic Vocabulary in Karachay-Balkar Paroemias”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (2), 297—307. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-297-307

Введение

Архаической лексике в лингвистической литературе традиционно уделяется значительное внимание. Она, как правило, рассматривается при исследовании языковых единиц в динамическом аспекте, в частности, актуализируется тот факт, что лексика, сопряженная с процессом архаизации, находится в периферийных отделах словарного состава языка, что детерминируется ее малой употребительностью, стремящейся к нулю [1. С. 159].

В имеющихся тюркологических исследованиях, в том числе и на материале карачаево-балкарского языка, представлена общая традиционная интерпретация архаической лексики. Так, например, казахский лингвист Г.Г. Мусабаев отмечает: «И архаизмы и историзмы являются словами устаревшими, т.е. ненужными для данного периода развития языка. Однако в языке есть и более древние слова, которые не считаются архаизмами. Поэтому термин “устаревшие слова” мы принимаем условно, имея в виду ненужные, вышедшие из употребления слова» [2. С. 26]. И.М. Отаровым предпринимается попытка провести лексико-тематическую характеристику архаизмов и историзмов в карачаево-балкарском языке [3. С. 118—123]. Тюркологи подвергают анализу лексические, фонетические и семантические архаизмы [4; 5], а также дают их словообразовательные характеристики [6]. Выявляются функционально-семантические характеристики архаизированных лексем в эпическом тексте [7], диалектах [8], поэтических произведениях [9], их представленность в различных лексико-семантических группах слов [10]. В некоторых работах освещаются вопросы, связанные с отражением ими некоторых сегментов национальной картины мира [11]. Однако функционально-семантический потенциал архаической лексики в составе карачаево-балкарских паремических высказываний все еще не определен. Между тем мировосприятие, мировоззрение народа нигде не отражается так ярко, как в пословицах и поговорках, передающихся из поколения в поколение. Этот пласт народной мудрости, который вобрал в себя чувства и мысли разных поколений, отразился и в языке. Каждая эпоха рождает новые устойчивые выражения, в которых получают свое отражение различные явления, происходящие в жизни народа. Не всякое изречение может восприниматься как пословица, а лишь такое, которое согласуется с образом жизни и мыслями большинства людей [12].

Паремии представляют большой интерес как для лингвистики, лингвокультурологии, так и для этнолингвистики, лингвофольклористики, так как они позволяют воссоздать наиболее важные стереотипы национального сознания. Они убеждают нас в том, что «каждая национальная целостность: народ, страна, культура — имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей» [13. С. 9]. В них отражаются социальные отношения, особенности быта, обычаи, нравы и традиции этноса, «эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры» [14. С. 28]. Паремии, являясь частью живой разговорной речи, наиболее полно отражают образ мыслей народа, занимают особое место в фольклоре и уходят своими корнями в глубокую древность. Бытуя в народе, они пополняются новыми жизненными наблюдениями различного характера (духовно-нравственного, философского, бытийного и т.д.). «Они являются сгустками древнейшей образности и новейшего языкового остроумия, самым

точным и ярким способом оценки окружающей жизни и общества. В пословицах и поговорках отражается, как в зеркале, все мировоззрение данного народа, его быт, характер, наблюдательность и историческое прошлое» [15. С. 4].

Цель нашего исследования заключается в рассмотрении архаизированных лексем в составе карачаево-балкарских паремий. Ставится задача провести их полиаспектный анализ. Исследование направлено на выявление и описание наиболее релевантных семантических и иных составляющих устаревших слов, присущих пословицам и поговоркам. К анализу привлечены паремии, отобранные путем сплошной выборки из лексикографических источников карачаево-балкарского языка [16—18] и сборников паремий [19; 20].

Обсуждение

Анализ архаической лексики, в том числе и лексем, функционирующих в составе паремий, предполагает учет нескольких признаков, сопряженных с процессом архаизации слов. В лингвистической литературе наиболее релевантным признается такой признак, как степень архаизации. Согласно этому признаку, слова делятся на две группы. В первую группу обычно включаются лексем, входящие в пассивный запас слов языка. Они имеют незначительный функциональный потенциал или же вовсе не употребляются в живой речи, однако известны в среде образованных людей. К таким относятся слова типа *май* ‘масло, жир; масляный, жирный’, *сохта* ‘учащийся, ученик’:

Аман малны айнытсанг, эрининги-бурунунгу май этер, аман адамны айнытсанг, эрининги-бурунунгу кьан этер (Если слабую скотину откормишь — оплатит тебе жиром, если плохому человеку поможешь — достанется тебе). Аман сохтаны китабы тас болур (У плохого ученика книга потеряется).

По отношению к ним оппозиционны так называемые полные архаизмы. Они не только неупотребительны, но и непонятны в смысловом отношении. Значит, для понимания их семантики необходимо прибегнуть к соответствующим лексикографическим источникам. Речь идет о таких словах, как *манс* ‘ремень (длинный и широкий из воловьей шкуры)’, *хаги* ‘каменная печь для сушки зерна’:

Игиден туугъан аманнга манс жетмез (Плохому, родившемуся от хорошего, не достанется и ремня). Хагиде кьурутмай, кьуут болмаз (Не просушив на печи, не получится толокно).

Целый ряд архаических лексем выявляется по характеру причин, которые приводят к архаизации. При этом подобные слова подразделяются на историзмы и собственно архаизмы. Появление историзмов предопределяется экстралингвистическими факторами. Они обозначают те понятия и явления, которые исчезли в связи с различными трансформациями жизненного уклада этноса (*ёзден* ‘узень’, *кьарауаш* ‘служанка, рабыня’ и др.):

Ёзден сёз ёзенни ёрге айландырыр (Слово узденя реку вспять повернет). Кьулну бий этсенг, анасын кьарауаш этер (Если превратить холопа в князя, он из матери рабыню сделает).

Собственно архаизмы появляются в результате воздействия внутрилингвистических факторов. Они вытесняются из употребления своими абсолютными синонимами. Так, например, в карачаево-балкарских паремиях употребляются синонимичные слова *май* (собственно архаизм) и *жау* (абсолютный синоним), которые имеют значение ‘жир, масло’:

Арыкъ къозугъа къарасанг, эрнинги-бурнунгу май/жау этер (Если откормишь ху-
дого ягненка, то он оплатит тебе жиром).

В паремиях налицо и лексико-семантический статус архаизированных слов. Согласно этому признаку, они подразделяются на лексические и семантические архаизмы. Если первые полностью вышли из употребления, то у вторых деактуализируются лишь некоторые их значения. Например, слово *бегеуол* ‘стражник’, превратившись в лексический архаизм, полностью потеряло свои функциональные возможности:

Асылсызны бегеуол этсенг, тойну зауугу къалмаз (Если из бессовестного сделаешь
стражника, свадьба будет омрачена).

Слово *батман* сохранило свое лексическое значение ‘улей’, но утратило семантику ‘мера сыпучих тел’:

Бир батман алтынынг болмасын, бир аякъ басар жеринг болсун (Чем иметь один
батман золота, лучше иметь одну пядь земли).

Выше были рассмотрены паремии с архаизированными именами существительными. Однако архаизации подвергаются и имена прилагательные, такие, как *къайыр* ‘злой’, *халгер* ‘старый (заржавевший) нож’, *эрек* ‘необщительный, нелюдимый, отчужденный’:

Иги итни биргесине тургъан кючюк къайыр болур (Щенок, находящийся рядом с
хорошей собакой, вырастет злым). Халгер хансан чыкъгъанча (Как старый нож, ко-
торый обнаружился в траве). Иши — керек да, кеси — эрек (Работа его нужна, да сам
он нелюдим).

В паремиях присутствуют и архаизированные глаголы. К ним, например, мож-
но отнести лексему *жей*- ‘кушать, есть’:

Балалы тауукъ къурт жеймез (Курица, имеющая цыплят, червей есть не будет). Бере
барсанг, жейе барыр (Сколько не дашь, все съест).

В современном карачаево-балкарском языке вместо данного глагола употре-
бляется слово *аша*- в том же значении.

Особый интерес вызывает производный от рассматриваемого глагола субстан-
тив *жеймиш* ‘пища, еда’:

Иги алаша къарт болса, къаргъалагъа жеймиш болур, иги киши къарт болса, къа-
тынлагъа бедиш болур (Хороший мерин, состарившись, для ворон пищей станет, хо-
роший мужчина, состарившись, станет посмешищем для женщин).

На современном этапе носители языка вместо лексемы *жеймиш* употребляют
синонимичные ей имена существительные *жем* ‘корм, пища, еда’, *аш* ‘пища, еда’;

обед'. Слова с аффиксом *-мыш/-миш* в современных тюркских языках являются именами существительными, которых не так много. В карачаево-балкарском языке сохранились лексемы типа *турмуш* 'житье-бытье', *жаламиш* 'ненасытный, жадный'. Такие формы, хоть и редко, встречаются в составе топонимов (Ётмюш кьол (Перевалочная балка), Кетмиш суу (Срывающаяся вода)), а также в некоторых сказках о животных (*башламиш* 'начало', *ортамиш* 'середина', *жаламиш* 'конец'). Как отмечается в сравнительно-исторических исследованиях, «первоначально данный показатель маркировал отглагольное прилагательное, в залоговом и временном отношении был индифферентен и обозначал результат действия» [21. С. 447].

В составе паремий обнаруживаются также архаичные для карачаево-балкарского языка глагольные формы на *-жакъ*:

Ёлежекге ийнанам, тирилежекге ийнанмайма (В то, что умру верю, в то, что воскресну — нет). Кеси ёлежакъ — кимге не бережакъ (Сам скоро умрет, кому что может дать).

Из таких форм в словарях зафиксирована только лексема *ёлежек* 'смертный, подверженный смерти' [22. С. 276], которая вышла из активного употребления. Подобные формы скорее всего были привнесены в карачаево-балкарский язык из родственного кумыкского языка, но не прижились. Они представляют собой причастия будущего категорического времени, образованные от основ глагола [23. С. 363]: *бережакъ* 'который даст', *ёлежек/ёлежакъ* 'который умрет', *тирилежек* 'который воскреснет'.

Некоторые архаизмы представляют собой результат влияния неродственных культур, например, русской и сванской, о чем свидетельствуют паремии типа *Шештурка хамбалгъа миннгенча* (Как Шештурка залез на носильщика), *Эбизени кьудурасына кьатылма* (Не трогай кожаный мешок свана). В них устаревшими являются слова *хамбал* 'амбал, носильщик', *кьудура* 'кожаный мешок из шкуры овцы, козы'. Первое слово является трансформой русской лексемы *амбал*, обозначающей физически крепкого мужчину, выполняющего, как правило, функции грузчика, носильщика. По всей видимости, некий носитель карачаево-балкарского языка в какой-то момент был свидетелем того, что его соплеменник по прозвищу Шештурка 'Стоящий как вертел' (это прозвище характеризует поведение человека и производно от фразеологизма *шиш тур* 'встать на дыбы'), не ограничившись наймом амбала на ярмарке, смог еще залезть на него, что выходит за рамки стереотипного поведения. В результате словесной интерпретации такого события и появилась соответствующая поговорка. Общеизвестен и тот факт, что карачаевцы и балкарцы издревле контактировали со сванами, к тому же их сближали суровые условия жизни, характерные для высокогорья. Последние, как отходники, часто бывали в Карачае. Кудура служил для свана вместительным съестных припасов. Значит, данное слово имеет метонимическое значение 'еда, съестное'. Посягательство на содержимое кудуры предполагает лишение припасов, важных для удовлетворения определенных физиологических потребностей. Оставшись без еды, сван лишается жизненной активности, возможности благополучно вернуться домой через горные перевалы. Представленная выше паремия корре-

лирует с поговоркой *эбизени кьбуутуна кьатылгьанлай* (словно некто, посягнувший на толокно свана). Слово *кьбуут* в ней имеет семантику ‘мука из жареной кукурузы, толокно’. Данный продукт являлся неотъемлемым элементом кухни горца.

Небезынтересны и региональные различия рассматриваемого пласта лексики. Так, некоторые региональные архаизмы (*хадек* ‘имущество, вещи’, *дёнге-* ‘разочароваться, потерять интерес к чему-либо; расхотеть’ и др.) вытеснены из обращения общелитературными словами (*харакет*, *ёнгеле-*) с соответствующей семантикой:

Хадек (или харакет) деген — кьбюрден, саугьа деген — жюрекден (Вещи — из сундука, подарок — от сердца). Ачы кьзыл терк онгар, бек сьйген терк дёнгер (или ёнгелер) (Ярко-красное быстро выгорает, горячо полюбивший быстро остывает).

Указанное присуще и для диалектизмов типа *ушхула* ‘чучело’, *гьлан* ‘шум, гвалт’, которые также подверглись процессу архаизации:

Ийнек ушхуладан ёнгелегенлей (Словно корова, которая не признавала чучело своего теленка). Уланы кёпню гьланы кёп (У кого много сыновей, у того много шума в доме).

Данные слова относились к цокающему диалекту карачаево-балкарского языка.

Архаизмы и историзмы карачаево-балкарского языка, как и других языков, относятся к различным лексико-тематическим группам и обозначают орудия труда (*кьайракь* ‘точильный камень’, *талкьы* ‘кожемялка’, *тикгич* ‘кожаная тесьма для шитья сбруй, чабуров и т.д.’), одежду (*опуракь* ‘одежда’, *тухтуй* ‘тесемка, которая вяжется из ниток и применяется для соединения прорезей в полах черески, кафтана’) и т.д.:

Биз кирген жерге тикгич да киреди (Куда шило заходит, туда и тесьма пройдет). Бир балтагьа — минг кьайракь (Для одного топора — тысяча точил). Элни сёзю — темир талкьы (Людская молва — железная кожемялка). Эки кьолу тухтуй тьйген (Мастерица, руки которой искусно плетут тесьму). Юй ариуу — топуракь, адам ариуу — опуракь (Дом красит известка, человека — одежда).

Среди них наличествуют и слова с абстрактными значениями (*байдамлыкь* ‘веселье, радость’):

Халкь бла кёрген — байдамлыкь, халкьсыз кёрген — сьйытлыкь (Увиденное вместе с народом — радость, увиденное без народа — горе).

Архаические лексемы в силу своей этнокультурной значимости отражают закодированные в пословицах и поговорках различные релевантные сегменты языковой картины мира. Обратимся, например, к паремии *Эрге баргьан ишимиди, этек кьайыргьанды эмгек* (Легко замуж выйти, трудно подол подогнуть). В ней архаизм *эмгек* имеет значение ‘мука, мученье, несчастье’ [22. С. 767]. В живой разговорной речи более употребительна другая пословица, являющаяся эквивалентной предыдущей, в которой *эмгек* заменяется широко употребляемой лексемой *тынч* с антонимичным значением:

Эрге баргьан тынч болса да, этек бюкген тынч тьйюлдю (Хоть и легко замуж выйти, нелегко подол подогнуть).

Данные паремии употребляются при определенных жизненных обстоятельствах, связанных с обсуждением перспектив семейной жизни для замужней девушки. Они решают две коммуникативно-прагматические задачи. С одной стороны, речь идет о предупреждении, с другой — о запоминании релевантной информации. Мысленное ее декодирование осуществляет реципиент, который как носитель языка априори должен знать смысл пословицы. В этом отношении значимую нагрузку несет и устойчивое выражение *этек бюкген* (къайыргъан) ‘подвернуть подол’, которое раскрывает суть предупреждения — быть готовым ко всем тяготам семейной жизни. В контексте отмеченного важным представляется обращение к актуальным фоновым знаниям. Так, например, в качестве назидания девушке, выходящей замуж, часто говорят:

Тыш юйге чыкъсанг, бир кесек сокъуруракъ, сангыраууракъ, тилсизирек болургъа керексе, къолларынг а — алтын (Когда идешь в чужой дом, ты должна быть немного слепой, глухой, безъязыкой, а руки — золото).

Заключение

Устаревшие слова составляют значимый сегмент лексического фонда карачаево-балкарских пословиц и поговорок, входят в пассивный запас слов языка, в силу чего характеризуются незначительными функционально-семантическими возможностями или же вовсе не представлены в живой разговорной речи. Полные архаизмы не только неупотребительны, но и непонятны в смысловом отношении, поэтому для понимания их семантики необходимо обращаться к специализированным лексикографическим источникам. Учет характера причин, способствующих архаизации лексики паремий, дает возможность говорить об историзмах и собственно архаизмах. Если появление историзмов детерминировано экстралингвистическими факторами, связанными с изменениями жизненного уклада этноса, то собственно архаизмы возникли в результате воздействия внутрилингвистических факторов и вытеснены из употребления своими современными абсолютными синонимами. С точки зрения частеречного происхождения устаревшие слова большей частью являются именами существительными, прилагательными и глаголами, среди них встречаются как регионализмы, так и диалектизмы, относящиеся к различным лексико-тематическим группам. Архаическая лексика сигнализирует о влиянии на язык карачаево-балкарских пословиц и поговорок как родственных, так и неродственных языков. Архаизмы и историзмы в силу своей этнокультурной специфики способствуют отражению закодированных в паремиях различных сегментов культуры, релевантных для национальной языковой картины мира.

Список литературы

1. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1989.
2. Мусабаев Г.Г. Лексика современного казахского языка: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1960.
3. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1996.

4. *Исянгулова Г.А., Абдульменова Р.Р.* Архаизмы в современном башкирском языке // Научный альманах. 2021. № 4-3 (78). С. 70—73.
5. *Ольмез М.* К вопросу об архаизмах тувинского языка // Российская тюркология. 2019. № 1-2 (22-23). С. 68—73.
6. *Асадуллаева П.У.* Словообразовательные архаизмы в кумыкском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 3. С. 42—45.
7. *Этезова Л.С.* Особенности языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008.
8. *Кучмезова Л.Б.* Роль наддиалектных форм в становлении лексических норм карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011.
9. *Ketenchiev M.B., Dodueva A.T., Uzdenova F.T., Khubolov S.M.* Names of months and national linguistic picture of world on material of Karachai-Balkarian folklore and literature // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. 2019. Vol. 6. № S7. Article Number: 13.
10. *Ахматова М.А., Додуева А.Т., Кетенчиев М.Б.* Вербализация концепта «кыш» (зима) в карачаево-балкарской языковой картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 153—164. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-153-164
11. *Ахматова М.А.* Картина мира карачаево-балкарского этноса по данным языка. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2021.
12. *Аникин В.П.* Теоретические проблемы фольклора в трудах М.В. Ломоносова // Филологические науки. 1993. № 1. С. 10—19.
13. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008.
14. *Бабаева Е.В.* Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда: межвузовский сб. науч. тр. Воронеж: Издательство ВГУ, 2002. С. 25—34.
15. *Гаджихмедов Н.Э.* Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала, 2015.
16. Толковый словарь карачаево-балкарского языка / ред. А.А. Жаппуев, Л.Ж. Жабелова, И.М. Отаров. В 3 т. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа, 1996.
17. Толковый словарь карачаево-балкарского языка / ред. А.А. Жаппуев, Л.Ж. Жабелова, И.М. Отаров. В 3 т. Т. 2. Нальчик: Эль-Фа, 2002.
18. Толковый словарь карачаево-балкарского языка / ред. А.А. Жаппуев, Л.Ж. Жабелова. В 3 т. Т. 3. Нальчик: Эль-Фа, 2005.
19. Балкарские пословицы, поговорки и загадки / сост. С.А. Отаров, А.М. Ульбашев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965.
20. Карачаевские пословицы и поговорки / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1963.
21. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
22. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева, Х.И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989.
23. *Абдуллаева А.З., Гаджихмедов Н.Э., Кадыраджиев К.С., Керимов И.А., Ольмесов Н.Х., Хангишиев Д.М.* Современный кумыкский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.

References

1. Kuznecova, E.V. 1989. *Leksikologiya russkogo yazyka*. Moscow: Vysshaya shkola publ. Print. (In Russ.).
2. Musabaev, G.G. 1960. *Leksika sovremennogo kazahskogo yazyka*: Candidate Thesis. Alma-Ata. Print. (In Russ.).
3. Otarov, I.M. 1996. *Leksikologiya karachaevo-balkarskogo yazyka*. Nal'chik: El'brus publ. Print. (In Karachay-Balkar).
4. Isyangulova, G.A., Abdul'menova R.R. 2021. "Arhaizmy v sovremennom bashkirskom yazyke". *Nauchnyj al'manah* 4-3 (78): 70—73. Print. (In Russ.).

5. Ol'mez, M. 2019. "K voprosu ob arhaizmah tuvinskogo yazyka". *Rossijskaya tyurkologiya* 1-2 (22-23): 68—73. Print. (In Russ.).
6. Asadullaeva, P.U. 2012. "Slovoobrazovatel'nye arhaizmy v kumykskom yazyke". *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* 3: 42—45. Print. (In Russ.).
7. Etezova, L.S. 2008. *Osobennosti yazyka i stilya karachaevo-balkarskogo nartskogo eposa: Candidate Thesis*. Nal'chik. Print. (In Russ.).
8. Kuchmezova, L.B. 2011. *Rol' naddialektnyh form v stanovlenii leksicheskikh norm karachaevo-balkarskogo yazyka: Candidate Thesis*. Nal'chik. Print. (In Russ.).
9. Ketenchiev, M.B., Dodueva, A.T., Uzdenova, F.T., Khubolov, S.M. 2019. "Names of months and national linguistic picture of world on material of Karachai-Balkarian folklore and literature". *Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values* 6 (S7). Article Number: 13. Print.
10. Akhmatova, M.A., A.T. Dodueva, and Ketenchiev M.B. 2021. "Verbalization of the Concept of "Kysh" (Winter) in the Karachay-Balkar Language Picture of the World". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2): 153—164. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-153-164. Print. (In Russ.).
11. Ahmatova, M.A. 2021. *Kartina mira karachaevo-balkarskogo etnosa po dannym yazyka*. Nal'chik: Kab.-Balk. un-t publ. Print. (In Russ.).
12. Anikin, V.P. 1993. "Teoreticheskie problemy fol'klora v trudah M.V. Lomonosova". *Filologicheskie nauki* 1: 10—19. Print. (In Russ.).
13. Gachev, G.D. 2008. *Mentalnosti narodov mira*. Moscow: Algoritm. Eksmo publ. Print. (In Russ.).
14. Babaeva, E.V. 2002. "Otrazhenie cennostej kul'tury v yazyke". In *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda: Mezhhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Voronezh: Izdatel'stvo VGU. Print. (In Russ.).
15. Gadzhiahmedov, N.E. 2015. *Kumyksko-russkij slovar' poslovic i pogovorok. Bolee 5000 poslovic i pogovorok*. Mahachkala. Print. (In Russ.).
16. *Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka*. 1996. In 3 vol. Vol. 1. Nal'chik: Izdatel'skij centr "El'-Fa". Print. (In Russ., in Karachay-Balkar).
17. *Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka*. 2002. In 3 vol. Vol. 2. Nal'chik: Izdatel'skij centr "El'-Fa". Print. (In Russ., in Karachay-Balkar).
18. *Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka*. 2005. In 3 vol. Vol. 3. Nal'chik: Izdatel'skij centr "El'-Fa". Print. (In Russ., in Karachay-Balkar).
19. *Balkarskie poslovicy, pogovorki i zagadki 1965*. Composed by Otarov, S.A., Ul'bashev, A.M. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo. Print. (In Karachay-Balkar).
20. *Karachaevskie poslovicy i pogovorki. 1963*. Composed by S.Ch. Aliev. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo. Print. (In Karachay-Balkar).
21. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya*. 1988. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
22. *Karachaevo-balkarsko-russkij slovar' 1989*. Edited by Tenishev H.I., Suyunchev I. Moscow: Russkij yazyk publ. Print. (In Karachay-Balkar).
23. Abdullaeva, A.Z., Gadzhiahmedov, N.E., Kadyradzhiev, K.S., Kerimov, I.A., Ol'mesov, N.H., Hangishiev, D.M. 2014. *Sovremennyy kumykskij yazyk*. Mahachkala: IYALI DNC RAN publ. Print. (In Kumyk).

Сведения об авторах:

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович — доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. E-mail: ketenchiev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1656-8368

Ахматова Мариям Ахматовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0507-395X

Додуева Аминат Таубиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета.
E-mail: daminat57@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8279-9618

Bio Notes:

Mussa Bakhautdinovich Ketenchiev is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Karachay-Balkar Philology of Kabardino-Balkar State University. E-mail: ketenchiev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1656-8368

Mariyam Akhmatovna Akhmatova is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Department of Karachay-Balkar Philology of Kabardino-Balkar State University. E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0507-395X

Aminat Taubievna Dodueva is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Karachay-Balkar Philology of Kabardino-Balkar State University. E-mail: daminat57@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8279-9618